

Метрическая эволюция лирики Г. Р. Державина и народный тонический стих

© 2026

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия;
yurij-danilevskij@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7696-1102

Аннотация: В статье предлагается периодизация лирической поэзии Г. Р. Державина, основанная на эволюции его метрики. Соответственно, выделяются основные этапы: I. 1762–1778; II. 1779–1790; III. 1791–1816. Стихи Державина, написанные с 1762 по 1790 г., обнаруживают довольно малый набор метров — в основном ямбических (четырёхстопный ямб, александрийский стих, вольный ямб); весьма скромно присутствие хореев (исключительно четырёхстопных), а трехсложные метры отсутствуют вовсе. 1791 г. стал переломным. В этом году Державин опубликовал полиметрическую кантату «Любителю художеств», которая, хотя и написана преимущественно ямбом, содержит два дактилических и два хорейческих фрагмента. Именно с этого года Державин стал широко использовать как трёхстопный ямб, так и четырёхстопные хорей, что вызвано его довольно поздним увлечением анакреонтикой. Обращение Державина к тоническому народному стиху до сих пор почти не привлекало внимания исследователей. В песне «Року надобно, чтоб рассталася...» (нач. 1770-х гг.), напечатанной лишь в XX в., находим сочетание двух популярных в народной поэзии размеров: пентонов III (стихи 1–4) и дольников (стихи 5–24). Другой пример использования тонических стихов с пентонами III — стихотворение «На смерть Катерины Яковлевны, 1795 году июля 15 дня приключившюся» (опубликовано в 1933 г.), в котором Державин имитировал стих народных плачей, широко распространенных на севере России. Публикация в 1804 г. «Древних русских стихотворений» Кириши Данилова, первого свода былин, вызвала всеобщий интерес к русскому богатырскому эпосу и его тоническому стиху. В этом контексте открывались более широкие перспективы использования различных видов народного стиха в поэзии. Одним из первых, кто уловил эти настроения на новом этапе, был Державин, в чьей комической опере «Добрыня» имеется несколько хорев, написанных тоническим стихом.

Ключевые слова: Державин Г. Р., метрика, русская поэзия, тонический стих, фольклор

Благодарности: Автор статьи выражает признательность А. О. Дёмину, А. В. Волкову, С. А. Завьялову, В. В. Зельченко, К. М. Корчагину, А. А. Петрову, Е. А. Пастернак и И. А. Пильщикову за высказанные соображения и указания.

Для цитирования: Лаппо-Данилевский К. Ю. Метрическая эволюция лирики Г. Р. Державина и народный тонический стих. *Вопросы языкознания*, 2026, 2: 77–99.

DOI: 10.7868/S3034524326020047

The metrical evolution of Gavriil Deržavin's lyric poetry and folk tonic verse

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii

Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
yurij-danilevskij@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7696-1102

Abstract: The article proposes the periodization of Gavriil Derzhavin's poetry based on the evolution of his metrics. Accordingly, the periodization would be as follows: I. 1762–1778; II. 1779–1790; III. 1791–1816. Derzhavin's poetry written from 1762 to 1790 demonstrates a rather limited set of meters — mostly iambic (iambic tetrameters, alexandrines, free iambic verse); the presence of trochees (exclusively tetrameters) is modest, and ternary meters are completely absent. 1791 was a turning point. In

that year Derzhavin published his polymetric cantata “To a Patron of the Arts,” which, though predominantly iambic, contains two dactylic and two trochaic passages. After that year he often used iambic trimeter as well as trochaic tetrameter, which was inspired by his rather late passion for anacreontics. Derzhavin’s turn to tonic folk verse has gone unnoticed until now. In the song “Fate has decreed that I must part...” from the early 1770s, which was not published until the 20th century, one finds a compilation of meters popular in folk poetry: pentasyllabic feet with fixed stress on the third syllable of each foot (lines 1–4) and *dolniki* (lines 5–24). Another example of the use of tonic verse combined with the same pentasyllabic feet is the poem “On the death of Katerina Yakovlevna, which occurred on July 15, 1795” (first published in 1933), in which Derzhavin imitated lamentations that are widespread in northern Russia. As the first collection of authentic bylinas, Kirsha Danilov’s “Ancient Russian poems,” published in 1804, awakened great interest in bylinas (oral ancient heroic songs) and their tonic verse. It also introduced wider possibilities for applying various kinds of folk meters to the new Russian poetry. Derzhavin was among the first to take advantage of these ideas. In his comic opera “Dobrynya,” some choruses are written in the same tonic verse as bylinas.

Keywords: Derzhavin G. R., folklore, metrics, Russian poetry, tonic verse

Acknowledgements: The author is grateful to A. O. Demin, A. V. Volkov, S. A. Zav’yalov, V. V. Zel’chenko, K. M. Korchagin, A. A. Petrov, E. A. Pasternak and I. A. Pil’shchikov for their remarks and suggestions.

For citation: Lappo-Danilevskii K. Yu. The metrical evolution of Gavriil Derzhavin’s lyric poetry and folk tonic verse. *Voprosy Jazykoznanija*, 2026, 2: 77–99.

DOI: 10.7868/S3034524326020047

Прежде чем обратиться к главной теме данной статьи, а именно: вопросу об отношении Г. Р. Державина к народному тоническому стиху, — имеет смысл охарактеризовать в общих чертах метрическую эволюцию лирики поэта, многообразие ее размеров, а также выявить предпочтения, отдаваемые автором тем или иным из них в то или иное время. Более того, именно метрика, по моему убеждению, должна быть положена в основу периодизации творчества Державина. Подобный подход тем более оправдан, что размеры поэта теснейшим образом связаны *mutatis mutandis* со всей системой применяемых им выразительных средств, с образным строем его произведений и их тематикой, с жанрами, к которым он обращается в тот или иной промежуток времени.

Как это ни парадоксально, для лирики Державина до сих пор не предложено четкой периодизации, ибо ее принципы до сих пор не удостоились должного обсуждения. Для всех пишущих о поэте незыблемой вехой высятся лишь 1779 г., определенный им самим как важнейший рубеж, с чем трудно спорить. В знаменитом пассаже о самоопределении в автобиографической записке «Нечто о Державине» (1805; в полном виде опубликована Е. Н. Кононко в 1972 г.) поэт утверждал, что он отказался от подражания Ломоносову и с 1779 г. избрал «совсем особой путь», «подражая наиболее Горацию» и «будучи предводим наставлениями» Ш. Баттё и ближайших своих друзей Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера [Кононко 1972: 84].

Если с первым этапом творчества поэта всё довольно ясно, то период с 1779 г. до смерти Державина в 1816 г. рассматривается обычно как некое единство, при обозрении которого стихи оказываются привязаны к событиям тех или иных царствований. Надо признать, что эта точка зрения восходит еще к Я. К. Гроту: печатая в третьем томе собрания сочинений Державина его неопубликованные стихи, годы написания которых Гроту были неизвестны, он посчитал возможным хронологически разделить их следующим образом: Первая эпоха. 1762–1778; Вторая эпоха. 1779–1800; Третья эпоха. 1801–1816¹. Ко второй эпохе, как видим, оказались отнесены произведения, созданные при Екатерине II и Павле I начиная с переломного 1779 г., а к третьей — написанное при Александре I. Хотя ученых в последние годы всё более интересуют метрические эксперименты позднего Державина, для большинства читателей его таланта он остается в первую

¹ Основной массив стихотворений 1770–1816 гг., опубликованных при жизни поэта с 1770 по 1816 г., помещен в хронологическом порядке без рубрикации в первых двух томах издания [Державин, I–IX] (ссылки на него даются далее в тексте статьи с указанием тома римской цифрой, страниц — арабской).

очередь автором многочисленных силлабо-тонических стихотворений, неизменно доминирующих в сборниках его произведений, а сам феномен «позднего Державина» и его хронологические рамки остаются непроясненными.

Внимательный анализ метрики Державина, на мой взгляд, позволяет говорить о следующих трех этапах развития его поэтического таланта: I. 1762–1778; II. 1779–1790; III. 1791–1816². Если первый период, как уже сказано выше, определен самим поэтом, то 1791 г. как следующий рубеж выявляется в результате обследования стиховой фактуры его лирики — именно с нач. 1790-х гг. зрелый, уверенный в своих силах поэт многообразно экспериментирует с метрикой и строфикой своих произведений. Чтобы более рельефно очертить место, уготованное в этих поисках тоническому стиху, имеет смысл вкратце охарактеризовать все три периода. При этом я буду опираться на первые три тома гротовского издания сочинений поэта, остающегося по сей день наиболее полным, — по мере надобности обращаясь к более поздним публикациям его произведений, в это собрание не вошедшим.

I. 1762–1778

В т. I «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота» помещено 17 стихотворений, написанных до «Успокоенного неверия» (1779) и включенных самим поэтом в собрание своих произведений, первые четыре части которого вышли в 1808 г. (издание не было завершено, последняя пятая часть была напечатана в 1816 г.). Из этих стихотворений 2 написаны хореем, остальные 15 — ямбические. В т. III в разделе «Опыты первой эпохи и стихотворения неизданные» напечатано 28 стихотворений и в разделе «Стихотворения неизвестных годов, большею частию неизданные», которые Грот посчитал написанными в 1762–1778 гг., — 13 (одно из них, акростих «Роса», — в примечаниях)³. Все эти стихотворения — исключительно ямбические. Сюда же надо прибавить анонимно напечатанную «Оду на всерадостное рождение его императорского высочества великого князя Александра Павловича» («Какие животворны звуки...», 1777) [Державин 1777], не попавшую в поле зрения Грота. Ее принадлежность Державину доказал В. А. Западов [1976]; написана она четырехстопными ямбами.

Всё же и в эти ранние годы поэт порой отступал от регулярной силлаботоники, как можно заметить по заключительным строкам «Идиллии, переложенной в стихи с греческого перевода» («Гневлив Ерот и дерзок, но любят его музы...»), извлеченным Гротом из тетради 1767–1775 гг. и помещенным в одном из примечаний. В них обращают на себя внимание предцезурное наращение одного слога в шестистопном ямбе, которым написана «Идиллия», а также заключающий стихотворение пеон III:

А если я оставлю || богов, царей в порфире,
Их петь кому другому || на гордой его лире,
И, с сердцем соглашаясь, || люблю, скажу, драгая;
И голос мой тут сладок || и песня тут иная, —
Золотая.

[Державин, III: 459]⁴

² Сходные выводы, на мой взгляд, можно сделать при внимательном прочтении подглавки «Метрический и строфический репертуар Державина в разные периоды творчества» диссертации [Пастернак 2022: 49–77]. Исследовательница обозревает творчество Державина по десятилетиям, принимая во внимание не только метрику его произведений, но и большее число параметров.

³ Отмечу, что Гротом во втором из этих разделов было напечатано одно стихотворение А. П. Сумарокова — его сонет «Не трать, красавица, ты времени напрасно...». Державин внес его, видимо, по памяти в рукописную тетрадь «Разные стихотворения» (1776), которая, как показал В. А. Западов, содержит также произведения других авторов [Западов 1996: 90].

⁴ Впервые полностью опубликовано в [Державин 1933: 401–402].

В гrotовском издании было напечатано всего два стихотворения из раннего сборника поэта «Песни, сочиненные Г..... Р..... Д.....»⁵. В полном виде он был опубликован лишь в 1986 г. [Державин 1986: 143–160] (11 песен из него были ранее напечатаны Г. А. Гуковским в [Державин 1933]) и содержит 19 стихотворений — 10 из них хореические⁶, 8 ямбические, а одно написано сочетанием пентона III и 4-иктного дольника — «Року надобно, чтоб рассталася...». К этому раннему случаю применения поэтом тонического стиха, важному для настоящей темы, я еще вернусь далее.

II. 1779–1790

В поэтических произведениях Державина, написанных с 1779 по 1790 г. и тогда же напечатанных (т. е. создававшихся с установкой на скорую публикацию), обнаруживается довольно скромный набор метров — в основном ямбических (четырёхстопный ямб, alexandрийский стих, вольный ямб); невелико присутствие хореев (исключительно четырёхстопных), а трехсложные метры отсутствуют вовсе. В т. I в основном корпусе произведений поэта имеется 3 хореических стихотворения и 34 ямбических. Еще 17 ямбических произведений находим среди неопубликованных опытов второй эпохи в т. III, которые на основании тех или иных данных Грот датировал периодом с 1779 по 1790 г. Также Грот сформировал в т. III раздел недатированных произведений Державина второй эпохи (т. е., согласно его периодизации, написанных с 1779 по 1800 г.). Он содержит 39 стихотворений по большей части небольшого объема; 37 из них ямбические⁷. Во второй период творчества Державин завоевывает всеобщее признание, создавая главным образом пространственные оды (такие как «На смерть князя Мещерского», «К первому соседу», «Властителям и судиям», «Фелица», «Благодарность Фелице», «Видение мурзы», «На смерть графини Румянцовой», «Осень во время осады Очакова», «Изображение Фелицы», «На взятие Измаила» и др.), прославившие поэта и упрочившие его литературные, общественные и служебные позиции. В то же время это период наименьшего метрического разнообразия его поэзии, по причине почти исключительного господства ямбов.

III. 1791–1816

Как нетрудно заметить из изложенного выше, стихи, создававшиеся Державиным в течение первых двух периодов творчества, — это стихи силлабо-тонические, написанные двухсложными размерами (единственное исключение — упомянутая выше песня «Року надобно, чтоб рассталася...»). При этом ямбы доминируют; хорей занимает весьма скромное место, а трехсложные размеры отсутствуют вовсе. Хотя и в последующие годы

⁵ В названии сборника после каждой буквы следует, соответственно, 8, 11 и 10 точек, т. е. оно должно читаться: «Песни, сочиненные Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ»; ср. [Державин 1933: 550].

⁶ В одной из них («Я, лишась судьбой любезного...») дактилические клаузулы чередуются с мужскими, что нередко в стилизациях под народную песню в XVIII в. Позднее 12 строк этого стихотворения в несколько переработанном виде были включены Державиным в его оперу «Добрыня» (1804) в качестве песни Прелепы (действ. II, явл. 1).

⁷ Весьма интересна в метрическом отношении «Молитва» («Боже Создатель...»), написанная трехсложником с переменной анакрусой. Грот, по его признанию, опубликовал данное стихотворение в редакции 1790-х гг., которая таким образом относится уже к периоду 1791–1816 гг. Из-за неясностей с датировкой воздержусь здесь от анализа редакции полиметрической «Кантаты на день военного ордена героям русским», напечатанной впервые Гротом в т. III.

основная масса стихов Державина — это ямбы, с начала 1790-х гг. репертуар его метров значительно возрастает, что связано с рядом факторов: сочинение поэтом произведений, предназначенных для вокального исполнения, что обычно предполагало создание полиметрических композиций; пристальный интерес к метрическим опытам его более молодых собратьев по перу — в первую очередь Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева; убежденность в ритмическом богатстве древней поэзии, своеобразно осмысляемом Державиным.

Важной вехой следует признать 1791 г.: именно в этом году отдельным изданием выходит в свет полиметрическая кантата «Любителю художеств» («Сойди, любезная Эрата!..»), почти сразу же перепечатанная в «Московском журнале» с названием: «Новый год. Песнь дому любящему науки и искусства» [Державин 1791]. Она написана в основном ямбами, но содержит и иные размеры: трехстопные («Небеса, внемлите...») и четырехстопные хорей («Боги взор свой отвращают...»), двухстопные («Черные мраки...») и трехстопные дактили («Радостно, весело в день сей...»).

Именно в этом году в поэзии Державина, по утверждению Грота, появился и трехстопный ямб, ранее в ней отсутствовавший; первый его образец, по утверждению ученого, — «Прогулка в Сарском селе», опубликованная в 1791 г. в «Московском журнале» и завершающаяся комплиментом Карамзину. И хотя можно указать несколько более ранних случаев употребления трехстопного ямба у Державина⁸, Грот прав в том смысле, что с данного момента начинается широкое использование этого метра в связи с созданием большого числа анакреонтических стихотворений⁹.

В следующем 1792 г. Державин опубликовал в «Московском журнале» первую редакцию «Ласточки», написанную трехстопными трехсложниками с переменной анакрусой, — как кажется, это первый, новаторский опыт такого рода в русской поэзии. Прием варьирования числа слогов перед первым ударным слогом Державин практикует и позднее как в отдельных стихотворениях¹⁰, так и при включении трехсложных стихов в произведения, написанные иными размерами.

Особенно плодотворны метрические эксперименты Державина с четырехстопным дактилем, импульс к которым, по-видимому, дало предцезурное усечение этого размера на один слог в ряде стихотворений Н. П. Николева, И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина (см. подробнее: [Лаппо-Данилевский 2023: 101–104]). В сравнении с ними уже в первом своем опыте этого рода, в 22-строчном пассаже оды «На взятие Варшавы» (1794), Державин оказывается куда более радикален (начиная со стиха 26: «Черная туча, мрачные крыла...»). Он не только усекает вторую стопу на один слог, как делали его предшественники, а в двух случаях и на две, но и, в отличие от них, не придерживается регулярной цезуры. Два метра, возникающие в результате данных преобразований, имеют четкую логаядическую структуру — межиктовые слоговые объемы в них постоянны. Это логаядический девятисложник (2'1'2'(1)) и хориямбическая диподия (2'||2'(1)). В чистом виде первый из этих размеров был применен в знаменитом «Снигире» (традиционная датировка: 1800). Эти стопные логаяды могут сочетаться и с классическими силлаботоническими размерами на регулярной основе, что приводит к возникновению логаядov строчных, как, например, в стихотворениях «Весна» (1804), «На безбожников» (1804), «Радуга» (1806), «Издателю моих песней» (1808). Они нашли себе применение и в таком стихотворении, как «Полигимнии» (1816), составленном из трехсложников и их deriva-

⁸ Трехстопным ямбом написан, например, «Гимн богине» («Премудрая Афина!»), помещенный в описании праздника [Державин 1786: 4–5; Державин, IV: 1–5]. Не были опубликованы при жизни поэта и следующие стихотворения, также написанные трехстопным ямбом: «площадная шутка» «Желание зимы» («На кабаке Борей...»; 1787); «К портрету княгини Е. Р. Дашковой, во время ее президентства в Академии Наук» («Сопутницей была...»; 1790).

⁹ С этого момента учащаются и случаи употребления четырехстопного хорей — второго важнейшего размера анакреонтической поэзии.

¹⁰ См. первую часть дифирамба в «Сретении Орфеем солнца» («Оставь багряный одр, — гряди...»; 1811), рефрен в «На покорение Парижа» («Сердце пленяюща лира...»; 1814).

тов. Не имея возможности охарактеризовать здесь во всей полноте поиски Державина в области метрики после 1791 г.¹¹, перейду к анализу стихотворения «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся». Оно запечатлело интерес поэта к народному тоническому стиху — и с этой точки зрения еще не анализировалось.

К истории публикации и интерпретации размера державинского стихотворения «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся»

Смерть первой горячо любимой жены стала для поэта подлинным горем; переживания, с ним связанные, нашли выражение в общей сложности в шести стихотворениях¹². Помимо вышеупомянутого, это следующие пять произведений: «Ласточка» (окончательная ред.: 1794), «Песнь на смерть Пленеры» (1794), «На гроб Катерины Яковлевны Державиной» (1794)¹³, «Сафе» (1794), «Призывание и явление Пленеры» (1794)¹⁴. Все они были включены в державинское издание Грота, который и словом не обмолвился о существовании еще одного, шестого — «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся». Впервые о нем было сообщено в 1895 г. в «Отчете Императорской публичной библиотеки за 1892 год» при описании 23-го рукописного тома [Отчет 1895: 54], где стихотворение было охарактеризовано как «собственноручный черновой набросок Державина» и где было приведено его первое четверостишие. При этом было указано, что название в рукописи содержит неверный год смерти Е. Я. Державиной (1795 г. вместо 1794 г.); грамматическая несогласованность при этом, правда, отмечена не была (в рукописи: «приключившейся» вместо «приключившуюся»)¹⁵.

В начале 1930-х гг. к рукописному наследию Державина во всей его полноте обратился Г. А. Гуковский — и в связи с подготовкой тома стихов поэта в Большой серии «Библиотеки поэта» (эту серию открывшего) [Державин 1933], и в связи с его планами издать также академическое собрание сочинений Державина, что неминуемо влекло за собой критическое осмысление гротовского издания. Обзор Гуковского «Литературное наследство Г. Р. Державина» во многом подвел итог этой работы — он содержит и зоркие наблюдения, и важные концептуальные суждения, и не всегда обоснованные выпады против Грота, как, например: «Прежде всего его издание все-таки далеко не полно: он не

¹¹ О метрических экспериментах поэта после 1791 г. см. подробнее в упомянутой выше диссертации Е. А. Пастернак [2022], а также в статьях [Schert 2021; Лапо-Данилевский 2023].

¹² Обзор этих стихотворений без учета версификационных аспектов см. в статье: [Пономарева 2022]. Биография и происхождение первой жены поэта рельефно очерчены в недавней работе [Дзюбанов 2011]. О ее занятиях изобразительным искусством см. в статье [Морозова 2009]. О ее литературных интересах см. [Державин, I: 58; VIII: 247].

¹³ Державиным была сочинена также прозаическая эпитафия, высеченная вместе со стихотворной на надгробии его первой жены на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге: «Поставил сие надгробие в память любезной и добродетельной супруги огорченный и благодарный муж» [Державин, I: 580; Чехов 1892: 765].

¹⁴ Упомяну и стихотворные отклики ближайших друзей поэта на смерть его жены: «Ода на смерть Пленеры» и «Ода на воспоминание Пленериной кончины» В. В. Капниста, «К Г. Р. Державину (По случаю кончины первой супруги его)» И. И. Дмитриева, «Надпись к портрету покойницы Катерины Яковлевны Державиной, истинной приятельницы мне и семье моей, 14 сентября 1797 года» Н. А. Львова.

¹⁵ В изданиях Державина устоялось смыслово и грамматически выправленное название стихотворения: «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся». Оно используется в данной статье как основное, а также в краткой форме — «На смерть Катерины Яковлевны».

поместил в нем очень многих произведений, бывших у него в руках, — как сознательно, так и бессознательно, по небрежности» [Гуковский 1933: 375].

Одно из доказательств тому, согласно Гуковскому, — непомещение Гротом в его издании сочинений Державина стихотворения «На смерть Катерины Яковлевны», незаурядные художественные достоинства которого Гуковский высоко оценил и степень завершенности которого явно преувеличивал (об этом далее): «Еще характерный пример: 23-й том “Бумаг Державина” в Публичной Библиотеке, переплетенный еще при жизни поэта, открывается почти совсем чистым автографом стихотворения Державина, названного “На смерть Катерины Яковлевны, 1795 году июля 15 дня приключившуюся”. Это стихотворение, и, надо сказать, превосходное стихотворение, даже не упомянуто Гротом; он просто не знал этого стихотворения, бывшего в его же собрании, на первой странице тома» [Гуковский 1933: 376]. Те же упреки в том, что Грот «не заметил» этого текста «среди обильных материалов, бывших в его распоряжении», «не просмотрел» т. 23 державинского архива, находим в комментариях к изданию Державина в «Библиотеке поэта» 1933 г. [Державин 1933: 541], где стихотворение было наконец опубликовано и где было помещено факсимиле двух его первых строф, авторская правка в которых отсутствует [Там же: 375, 377]. Об исправлениях, имеющихся в других строфах, Гуковский не упоминает, делая лишь следующее текстологическое указание к стиху 18: «слова “милой” и “добрый” — оба зачеркнуты Державиным (одно над другим), а новой редакции не дано [Там же: 541]. В самом тексте оба этих эпитета помещены один над другим в квадратных скобках. Во втором издании Державина в Большой серии «Библиотеки поэта» 1957 г. стих 18 напечатан в следующем виде: «Уж нет моей доброй жены» [Державин 1957: 207]. В примечаниях к стихотворению В. А. Заповым высказано предположение, что оно «является, видимо, непосредственным откликом» на кончину первой жены, и отмечено, что работа над стихом 18 не была окончена: «Во второй строке 5-й строфы Державин вместо первоначального: “добрый жены” написал было “милой”, но затем зачеркнул и этот эпитет (очевидно, постольку, поскольку он уже имеется в предыдущей строфе), ничем его не заменив» [Державин 1957: 410]. Именно в таком виде («Уж нет моей доброй жены») стих 18 тиражируется в популярных и подчас весьма авторитетных изданиях державинской лирики. В комментариях к ним другой вариант стиха не приводится; о том, что окончательной его редакции не существует, не говорится¹⁶.

Отмечу небольшую неточность Гуковского. Стих 11 напечатан им в издании 1933 г. так: «Мою милую не пробуждают», тогда как в рукописи явственно читается вариант «пробужают», т. е. Державин употребляет вариант нелитературный — диалектный или же просторечный. Он зафиксирован, к примеру, в словаре В. И. Даля и в «Словаре русских народных говоров»¹⁷. В правильном виде («Мою милую не пробужают») эта строка была напечатана всего один раз в издании А. Я. Кучерова и Е. В. Климиной, в комментариях к которому подчеркивалось, что стихотворение публикуется по рукописи [Державин 1958: 140, 493].

Из откликов на первый том «Библиотеки поэта» 1933 г. для темы данной статьи наибольший интерес представляет рецензия на него В. Ф. Ходасевича, опубликованная в парижской газете «Возрождение» (1933. № 3040. 28 сент. С. 3–4). В ней Ходасевич, помимо прочего, обратил внимание на стихи Державина, ранее не публиковавшиеся. При этом он утверждал, что «поэтически ценно лишь одно стихотворение из не бывших ранее в печати», а именно «стихи на смерть Плениры, первой жены Державина, замеча-

¹⁶ См., например, издания [Державин 1957: 207, 410; 1987: 260, 471]. Отметим следующее курьезное воспроизведение стиха 18 в издании «Новой библиотеки поэта»: «Уж нет моей (милой) доброй жены», способное лишь сбить с толку неподготовленного читателя, тем более что в комментариях отсутствуют какие-либо пояснения относительно такого его воспроизведения [Державин 2002: 526, 686].

¹⁷ См. лемму «Пробуждѣть, пробужать и пробуживать, пробудить» в [Даль 1863: 429]. Также в [СРНГ: 87].

тельные силою в них разлитого отчаяния, истинно державинскою дерзостью образов и, наконец, своеобразием метра: стихотворение написано тем размером, который ныне зовется паузником» [Ходасевич 1996: 277–278]¹⁸. При этом Ходасевич отмечал, что этот «паузник» Державина совершенно оригинален и «больше ни разу не встречается ни у поэтов XVIII века, ни у позднейших авторов, вплоть до символистов» и что «пушкинские паузники в “Сказке о рыбаке и рыбке”, в “Песнях западных славян” и в “Сказке о попе” ритмически построены совершенно иначе» [Там же: 278]. Рецензия Ходасевича была написана крайне поспешно: «благодаря любезности одного парижского книгопродавца» [Там же: 276] ему удалось получить ненадолго томик Державина и сделать из нее выписки. Книги у Ходасевича в момент написания рецензии под рукой явно не было, чем объясняется большое количество огрехов и неточностей в его отклике (достаточно указать на то, что Гукковского он многократно именует Ямпольским). Рецензия также не предполагала углубленного обсуждения версификационной проблематики, тем более что различные виды фольклорного стиха в первой половине XX столетия еще не имели четкого обозначения. Так, под паузниками вслед за С. П. Бобровым (именно он ввел в обиход этот термин)¹⁹ обычно подразумевались размеры, которые вскоре стали предпочтительно именоваться дольниками, — иными словами, один из видов тонического стиха. Ходасевич, назвавший державинский размер паузником и верно уловивший его тонический характер, указывал в первую очередь именно на этот сущностный аспект.

Позднее текст стихотворения «На смерть Катерины Яковлевны», в 1933 г. опубликованный Гуковским и в 1957 г. перепечатанный в Большой серии «Библиотеки поэта», несколько раз становился объектом стиховедческого анализа. В 1985 г. ему посвятил несколько строк В. С. Совалин, полагавший, что ритмический рисунок стиха в «На смерть Катерины Яковлевны» «впитал как элементы народного, так и античного стиха» и что для него характерны «стопы пятисложника, но в соединении с иными слоговыми конструкциями», в результате чего «получился необычный дольник, вместивший стопы устной поэзии и книжной силлабо-тоники» [Совалин 1985: 48]. Совалин указал при этом, что строки стихотворения, «за малым исключением, равносложны» (с числом слогов 10-9-10-9), а также имеют перекрестную рифмовку, в чем он видел влияние «книжной поэзии» [Там же: 49]. В целом Совалин наметил достаточно убедительные подходы к анализу ритмического строя стихотворения. Не совсем ясно лишь, какие элементы античного стиха он имел в виду. Также не вполне удачным следует признать применение термина «дольник», ибо согласно общепринятому взгляду это тонический стих с межиктовыми интервалами, не превышающими двух слогов, тогда как в «На смерть Катерины Яковлевны» они нередко составляют три слога, и потому более уместно говорить о тактовике²⁰. Всё же главная мысль Совалина о том, что в данном случае мы имеем дело с лирическим произведением, в котором часть стихов имеет регулярную пентонную структуру, другая же часть — стихи тонические, с варьирующимся числом межиктовых интервалов, представляется верной.

¹⁸ Укажу попутно, что никто из советских рецензентов издания (Д. Д. Благой, Ф. Гордеев, Л. Н. Тимофеев и др.) не удостоил своим вниманием стихотворения «На смерть Катерины Яковлевны» и не отметил его эстетических достоинств.

¹⁹ Упоминание «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Песен западных славян» в связи со стихотворением Державина указывает на то, что Ходасевич вспомнил ставшую заметным событием в изучении русского стиха брошюру С. П. Боброва «Новое о стихосложении А. С. Пушкина» [Бобров 1915], в которой тот рассматривал их размер как «трехдольный паузник». «Сказка о попе» оказалась здесь, скорее, в связи с фольклорными ассоциациями Ходасевича (она, как известно, написана рашным стихом).

²⁰ Здесь и далее при характеристике тонического стиха я опираюсь на определение различных его видов, данное М. Л. Гаспаровым, согласно которому в дольнике переменный межиктовый интервал не превышает двух слогов, а в тактовике — трех слогов; акцентный же стих допускает межиктовые интервалы, превышающие три слога [Гаспаров 1974: 29, 220–221 и сл.; 2001: 146–156].

Более четырех страниц посвятил стихотворению «На смерть Катерины Яковлевны» в своей книге «Русское стихосложение» А. А. Илюшин [2004], полагающий его уникальным случаем силлабического стихотворства в большой поэзии второй половины XVIII в.:

«В стихотворении представлены два изосиллабических ряда: четные стихи — 9-сложники и нечетные — 10-сложники (за случайным, по-видимому, исключением во втором стихе пятой строфы, который 8-сложник). Текст разбит на катрены перекрестной рифмовки. Клаузулы различные: дактилические в восьми случаях, женские в четырех, мужские в двенадцати. Дактилические приходятся только на нечетные стихи, женские — и на те, и на другие поровну, мужские в основном на четные, но имеются и два нечетных стиха с мужскими концовками — в заключительной строфе. (...) Ритм — силлабический, совершенно свободный от стопности и очевидно несвободный от слогового принципа. Это редчайший рецидив силлабики в большой русской поэзии конца XVIII в. в условиях почти абсолютного господства силлаботоники» [Илюшин 2004: 194]²¹.

Признавая стихотворение Державина «гениальным», Илюшин видит в нем много «условного, стилизованного (под русский фольклор, под анакреонтику, под “оссианизм”))», что не препятствует ему, по мнению исследователя, быть «одним из задушевнейших произведений нашей лирической поэзии» [Там же: 198].

Подобная интерпретация не может не вызвать возражений.

Во-первых, Державин принадлежал к поколению поэтов, отказывавших силлабической поэзии в каких-либо художественных достоинствах. Это было поколение, с воодушевлением воспринявшее итоги реформы русского стиха 1730 — начала 1740-х гг. и деятельно претворявшее ее уроки в своем творчестве. При полном отсутствии других силлабических произведений у Державина написание стихотворения «На смерть Катерины Яковлевны» в чуждой ему системе версификации выглядит по меньшей мере маловероятным.

Во-вторых, строй стихотворения в целом весьма нехарактерен для силлабической поэзии: оно состоит из шести четверостиший, в то время как основной массив традиционной силлабической поэзии — двустипшия с женскими рифмами. Опять же, по утверждению Илюшина, в стихотворении Державина имеются рифмы и женские, и мужские, и дактилические. Рифмы мужские в силлабике порой встречаются — в этом отношении весьма характерно их появление в стихах, включенных В. К. Тредиаковским в «Езду в остров любви» и написанных под французским влиянием, где практикуется альтернанс мужских и женских рифм. Дактилические рифмы в основном корпусе русской силлабики, формировавшейся под польским влиянием, довольно редки и являются парными.

В-третьих, обращение к рукописи стихотворения (см. об этом далее) не дает никаких оснований думать, что при работе над текстом Державин стремился добиться равносложности строк.

В-четвертых, крайней натяжкой выглядит утверждение, что стихотворение «На смерть Катерины Яковлевны» одновременно стилизовано и под анакреонтику, и под оссианизм, тогда как в нем именно фольклор весьма живо ощущается как главный вдохновитель поэта (об отдельных оссианических образах см. далее). Русской народной поэзии во второй половине XVIII столетия силлабический принцип при создании поэтических произведений совершенно чужд.

В поэтическом корпусе (ПК) Национального корпуса русского языка [НКРЯ] о стихотворении «На смерть Катерины Яковлевны» в строке «Метр» читаем: «Ан, Аф, Д, Я, тонический: Тк»²², т. е. общим размером признается тактовик, хотя в отдельных

²¹ Мнение Илюшина разделяют В. Б. Литвинов и И. А. Пильщиков в составленном ими «Указателе стиховых форм в “Стихотворениях” Г. Р. Державина» (https://rvb.ru/18vek/derzhavin/04/index/versus_index.htm; дата обращения 04.11.2025).

²² Здесь и далее используется следующая система сокращений, почти полностью совпадающая с той, что применяется в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка: к — катаlecticский; Я — ямб; Х — хорей; ХЯ — хорямб; Д — дактиль; Аф — амфибрахий;

стихах отмечается наличие анапестов, амфибрахий, дактилей и ямбов. В соответствии с этим предложена следующая метрическая формула: Тк3,4д,ж,м, т. е. 3-4-иктный тактовик с нерегулярным чередованием дактилических, женских и мужских клаузул²³. Надо сказать, что в поэтическом подкорпусе расстановка ударений в тексте опирается на нормативную акцентуацию в современном литературном языке²⁴. Но и при таком подходе вряд ли оправданно игнорирование таких ярко выраженных пятисложников, как «Уж не ласточка сладкогласная», «О ты, ласточка сизокрылая!» (ударения воспроизведены так, как они даны в подкорпусе) и др. Отмечу также, забегая несколько вперед, что немалую сложность при осмыслении метрики стихотворения «На смерть Екатерины Яковлевны» представляет акцентуация. С одной стороны, в русском стихе не может быть стопроцентной ясности с ударениями моносиллабов (*ах, мне, всё* и др.), которые могут как подчеркиваться при декламации, так и игнорироваться. С другой стороны, в подобной фольклорной стилизации вполне уместны ударения, обычные в народной поэзии, но отличные от нормативных (об этом далее).

После этих предварительных замечаний имеет смысл обратиться к рукописи стихотворения, тем более что ее никак нельзя назвать «почти совсем чистым автографом», как это сделал Гуковский. Как нетрудно заметить (см. ниже), автограф представляет собой беловик (он легко вычитывается из нижеприведенного текста²⁵), который затем был подвергнут правке. Первые два четверостишия явно удовлетворили автора — в них нет никакой правки, в третьем, четвертом и шестом она невелика; в пятом — двухслойная и к тому же явно не завершена. Нет также никаких оснований утверждать, что перед нами спонтанный поэтический отклик Державина на смерть жены, — неточность в дате (1795 г. вместо 1794 г.), как кажется, указывает на то, что стихотворение, скорее всего, было написано (или записано) в 1795 г. (вряд ли в 1794 г. поэт допустил бы такую опisku).

Гуковский в целом весьма точно опубликовал текст последней незавершенной редакции стихотворения (о небольшой неточности — «пробуждают» вместо «пробужают» — уже говорилось выше; также в стихе 14 проигнорировано зачеркивание начального «ты»²⁶). Всё же для понимания и его метрики, и замысла в целом то, как шла переработка, имеет важное значение, поэтому ниже приведен текст стихотворения со всеми вариантами по единственному известному автографу (РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 2). Справа от строк указан ряд версификационных характеристик (количество слогов до и после цезуры, общее число слогов и тип клаузулы, схема ударений и метрическая дефиниция каждого стиха). При этом, как и в поэтическом подкорпусе, за основу была взята нормативная акцентуация современного литературного языка, что, как будет показано далее, вряд ли бесспорно.

Приведу наконец текст по рукописи (хотя и в современной орфографии, но с максимальным приближением к первоисточнику и с минимальными пунктуационными дополнениями)²⁷:

Ан — анапест; Пе II — пеон II; Пе III — пеон III; Пн III — пентон III; Пн IV — пентон IV; Дк — дольник; Тк — тактовик; Ак — акцентный стих.

²³ См. подробнее: <https://clck.ru/3RTG2u> (дата обращения 26.01.2026).

²⁴ Текст с проставленными ударениями см. в ПК НКРЯ. Метрическая интерпретация строк в нескольких случаях, как кажется, требует корректировки.

²⁵ Этот изначальный беловик легко «восстанавливается» из стихов без буквенных обозначений и тех, что отмечены литерой «а».

²⁶ Нужно справедливости ради признать, что статус этого зачеркивания неясен — возможно, начав править этот стих, поэт сразу же от этой мысли отказался.

²⁷ В приводимом тексте стихотворения курсивом отмечено то, что подвергалось изменениям; в квадратные скобки в стихе 18^б взят зачеркнутый автором эпитет «доброй», чтобы указать на то, что окончательный вариант стиха отсутствует. Державин не пользовался буквой «ё», но в стихах 7 и 21 она показалась мне уместной, чтобы передать державинские написания «ею» и «всю».

На смерть
Катерины Яковлевны, 1795 году июля 15 дня приключившейся

1	Уж не лáсточка сладкогласная	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
2	Домови́тая со застрéхи;	5 4	9ж	2'2 2'1	Пн III Пн IIIк
3	Ах! моя мила́я, прекра́сная,	6 4	10д	3'2 1'2	(1)Пн III Пе II=Тк2
4	Прóчь отлетéла, — с нéй утéхи.	5 4	9ж	'2'1 '1'1	Дк4
5	Не сия́ние луны блéдное	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
6	Свéтит из о́блака в стра́шной тьме —	6 3	9м	'2'2 '1'1	Дк4
7	Ах! ле́жит её тело мёртвое,	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
8	Как а́нгел свéтлый во крéпком снé.	5 4	9м	1'1'1 1'1'1	Дк4
9 ^а	Рóют псы зéмлю, <i>вдру́г</i> завыва́ют,	5 5	10ж	'2'1 '2'1	Дк4
9 ^б	Рóют псы зéмлю, <i>вкру́г</i> завыва́ют,	5 5	10ж	'2'1 '2'1	Дк4
10 ^а	Во́ет <i>вкру́г</i> вéтер, во́ет <i>весь</i> до́м;	5 4	9м	'2'1 '2'1	Дк4
10 ^б	Во́ет <i>и</i> вéтер, во́ет <i>и</i> до́м;	5 4	9м	'2'1 '2'1	Дк4
11	Мою мило́у не пробужа́ют;	5 5	10ж	2'2 3'1	Пн III Пн IV=Ак2
12	Сéрдце моé сокруша́ет грóм!	4 5	9м	'2'1 2'1	Дк4
13	О ты, лáсточка сизокры́лая!	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
14 ^а	<i>Ты</i> возврати́шься в дом мо́й весно́й;	5 4	9м	3'1 1'1'1	Пн IV Я2=Тк3
14 ^б	Возврати́шься в дом мо́й весно́й;	4 4	8м	2'1 1'1'1	Пе III Я2=Тк3
15	Но ты́, моя́ супру́га мила́я,	4 6	10д	1'1'1 1'1'2	Я2
16	Не увиди́шься вéк уж со мно́й.	5 4	9м	2'2 '2'	Пн III ХЯ= Дк3
17 ^а	Нéт моего́ дру́га ве́рного,	4 5	9д	'2'1 '1'2	Дк4
17 ^б	Нéт моего́ <i>уж</i> дру́га ве́рного,	4 6	10д	'2'1 '1'2	Дк4
17 ^в	<i>Уж</i> нéт моего́ дру́га ве́рного,	5 5	10д	1'2'1 '1'2	Дк4
18 ^а	Нéт моéй <i>мило́й</i> жены́,	3 4	7м	'1'1 '2'	Дк4
18 ^б	<i>Уж</i> нéт моéй <i>мило́й, а́х,</i> жены́,	4 5	9м	1'1'1 '1'1'	Дк4
18 ^в	<i>Уж</i> нéт моéй [<i>до́брой</i>] жены́,	4 4	8м	1'1'1 '2'	Дк4
19 ^а	Нет това́рища бесце́нного,	5 4	9д	2'2 1'2	Пн III Пе II=Тк2
19 ^б	Нет <i>уж</i> това́рища бесце́нного,	6 4	10д	3'2 1'2	(1)Пн III Пе II=Тк2
19 ^в	<i>Уж</i> нет това́рища бесце́нного,	6 4	10д	3'2 1'2	(1)Пн III Пе II=Тк2
20	Ах, всё они с нéй погребены́.	4 5	9м	1'2 '3'	Тк3
21 ^а	Всё опустéло! Как го́ре снести́?	5 5	10м	'2'1 1'2'	Дк4
21 ^б	Всё опустéло! Как жи́знь мне снести́?	5 5	10м	'2'1 1'2'	Дк4
22 ^а	Зéльная меня́ <i>снеда́ет</i> тоска́.	5 5	10м	'3'1 1'2'	Тк4
22 ^б	Зéльная меня́ <i>съéла</i> тоска́.	5 4	9м	'3'1 '2'	Тк4
23	Сéрдца, ду́ш полови́на, прости́,	2 6 2	10м	'1 1'2'1 1'	Д4
24	Скры́ла тебя́ гробова́ доска́.	4 5	9м	'2'1 2'1'	Дк4

(РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 2)

Первые два четверостишия, которыми Державин был явно доволен (на это указывает отсутствие исправлений в них), являются, по моему убеждению, ключом к пониманию и метрики этого стихотворения, и данного поэтического замысла в целом. Три стиха из восьми — двухстопные пентоны III с дактилическими клаузулами; стих 2 — двухстопный каталектический пентон III, что вызвано альтернансом рифм. Стих третий — также «пентонного звучания»: в первом полустиишии пентон III расширен на один слог, во втором полустиишии он усечен на один слог. По формальным критериям (межиктовый интервал не превышает трех слогов) его можно причислить к тактовикам, но это вряд ли верно. Остальные три стиха первых двух катренов — 4-иктные дольники. Таким образом, в первых двух четверостишиях явственно видно, что мы имеем дело с гетеромет-

рией, — строки двухударные пентонные (хотя некоторые из них несколько «расштан-ные») чередуются в стихотворении Державина с тоническими 3- и 4-иктными, чем и достигается единственный в своем роде ритмический эффект²⁸. Стоит добавить, что це-зура в стихотворении хотя и нерегулярная, но вполне явственная, делящая почти все стихи на соотносимые по величине полустишия. И лишь стих 23, предпоследний, распадается на три части — этот ритмический контраст, на мой взгляд, вполне художественно оправдан²⁹. Хотя, пожалуй, возможно и более дробное прочтение: «Сердца, || души || половина, || прости», — как и другие, погружающее нас в трудно верифицируемую область субъективных восприятий.

Исследователи сходятся во мнении о фольклорной ориентированности стихотворения «На смерть Катерины Яковлевны», что позволяет поставить под сомнение правильность нормативной акцентуации для него. К тому же для народной поэзии характерны и переносы ударений, согласующие текст с доминирующим ритмом или мелодией, и ударения, отличные от нормативных, — как диалектные, так и архаические³⁰.

Наличие дактилических клаузул в большинстве четверостиший наводит на мысль о том, что для третьего из них более правильным является следующее прочтение, при котором у стихов 9 и 11 окончания также будут дактилическими (стихи приводятся здесь в последней редакции):

9 ^б	Рюют псы́ землю, вокруг завь́бают,	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
10 ^б	Вóет и вéтер, вóет и дóм;	5 4	9м	'2'1 '2'	Дк4
11	Мою мýлу не пробúжают;	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
12	Сéрдце моé сокрушáет грóм!	4 5	9м	'2'1 2'1'	Дк4

Одной из характерных особенностей северных говоров и связанных с ними фольклорных текстов является перенос ударений в личных и притяжательных местоимениях (*мéня, тéбя, óни, мóему, твóему, мóего, твóего* и др.) [Скуратова 1961], поэтому более сообразующимся с общим ритмом стихотворения будет, на мой взгляд, следующее прочтение стиха 17^б: «Уж нет мóего || друга вёрного» (Пн III||Пн III). Весьма возможно, что и стих 21^б, в особенности если принять во внимание то, как Державин переработал его, должен читаться как двухстопный пятисложник: «Всё опúстело! || Как жизнь мнé снести?» (Пн III||Пн III)³¹. Не буду множить примеры и настаивать на «пентонном» прочтении других строк в стихотворении «На смерть Катерины Яковлевны». Куда важнее мне было здесь указать на объективно существующие сложности, возникающие при восприятии данного текста и связанные с вариативностью акцентуации в нем. Схожие затруднения возникают при чтении многих написанных после 1790 г. произведений Державина, в которых наблюдаются отступления от классических размеров, — неподготовленный читатель вряд ли сможет сразу правильно расставить ударения и уловить их ритм³². Для этого следует обладать повышенной «державиноведческой компетентностью», т. е. пред-

²⁸ В данном случае я исхожу из расширенного понимания гетерометрии, «при котором в качестве составных элементов текст включает строки не только силлабо-тонические, но и других типов метров (тонических, силлабических)» [Корчагин 2009: 149]. Общую характеристику гетерометрического стиха см. также в статье [Плунгян 2014: 45].

²⁹ Отмечу, что ритмика подобного тонического стиха вполне допускает наличие отдельных регулярных стихов: так, в данном стихотворении Державина стих 15 — это четырехстопный ямб, стих 23 — четырехстопный дактиль.

³⁰ Об особенностях акцентуации в северных плачах см. в статье Дж. Бейли «К анализу ритма похоронного причитания: “Плач по родном брате” М. А. Федосовой» [Бейли 2001: 311–316 и сл.]; там же указания на более специальную литературу.

³¹ Ср. далее в примере из плача по сыну: «Как отпúстила || я жадóбного» (Пн III||Пн III).

³² Упомяну здесь, например, стихотворение «Полигимнии» (1816) — и в заглавии, и во втором стихе («Северных стран Полигимния!») вряд ли кто-то из современных читателей сразу правильно поставит ударение в имени музы на предпоследнем слоге.

ставлять себе общее направление поисков поэта в последнюю треть его жизни — усиливавшееся тяготение к тоническому стиху и к гетерометрии, логоэдические опыты поэта, а также особенности его словоупотребления и акцентуации.

Но вернемся к стихотворению «На смерть Катерины Яковлевны». Даже если отказать от мысли, что в нем есть отступления от общепринятых современных ударений, то количество двухстопных пентонов III в нем столь значительно, что трудно усомниться в том, что именно они задают один из основных ритмов стихотворения, контрастируя со строками тоническими. Таким образом, размер данного стихотворения — переходная метрическая форма (ПМФ) от пентона III к 4-иктному тактовикау.

Как уже сказано выше, большинство строк стихотворения насчитывает 9 или 10 слогов, причиной чего, по моему мнению, было отнюдь не то, что Державин стремился написать силлабическое произведение (кстати, исправления, вносившиеся в первоначальный текст, этого никак не подтверждают), а изрядное число двухстопных пентонов III, насчитывающих в совокупности по 10 слогов (а в случае усечения — девять), так же, как и их конституирующая роль.

Данный вывод подтверждается и тем фактом, что, как уже говорилось выше, среди ранних стихотворений Державина имеется еще одно, в котором двухстопные пеоны III сочетаются с тоническим стихом, — оно было впервые опубликовано Гукским в 1933 г. по рукописному сборнику «Песни, сочиненные Г..... Р..... Д.....» (напечатан полностью в [Державин 1986: 143–160]). В этом стихотворении пятисложники, правда, применены лишь в зачине из трех строк, остальные же стихи — 4-иктные дольники с мужскими окончаниями на основе трехсложников (всего в песне 24 строки); при этом почти все строки изосиллабичны (лишь стих 20 насчитывает 11 слогов):

1	Року нáдбно, чтоб расстáлася,	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
2	С тем, люблю кого, не видáлася.	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
3	Вылетáй, душа, ах! из тéла вон.	5 5	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
4	Я тоскúю, увы! уéхал он.		10д	2'2'1'2	Дк3
5	Какóвó без душí на свéте жítъ?		10м	2'2'1'1'	Дк4
6	Не живóю, но мёртвóй дóлжно бýть ³³ .		10м	2'2'1'1'	Дк4
7	Я так шатáюсь бездúшна, как тéнь,		10м	'2'2'2'	Д4
8	Тóлько что жíва, ночь плáчу и дéнь.		10м	'2'2'2'	Д4
9	Слéзы затмíли всеё красотú.		10м	'2'2'2'	Д4
10	Млáдость, утéхи я чтú в суетú, —		10м	'2'2'2'	Д4
11	Тóлько отрáда любéзного вíд,		10м	'2'2'2'	Д4
12	Он меня тéшит и он веселít;		10м	'2'2'2'	Д4
13	Остáток я зрúю лишь в нём животá,		10м	1'2'1'2'	Дк4
14	Дышит увядша лишь íм красотá.		10м	'2'2'2'	Д4
15	Ах, тóлько лишь в свéте ³⁴ тём я живú,		10м	'2'2'1'2'	Дк4
16	Что мíлой егó в разлúке слывú.		10м	1'2'1'2'	Дк4
17	Тáк опускаéтся рóзовой цвёт,		10м	'2'2'2'	Д4
18	Остáвит егó как солнечный свёт;		10м	1'2'1'2'	Дк4
19	Но сóхнет совсём он тóлько затём,		10м	1'2'1'2'	Дк4
20	Что чáет увидеть луч солнечный днём.		11м	1'2'2'2'	Аф4
21	Эта надéжда питáет меня,		10м	'2'2'2'	Д4

³³ Отмечу, что возможно и безопасное, пентонное прочтение стихов 4–6 («Я тоскúю, увы! уéхал он. / Какóвó без души на свéте жítъ? / Не живóю, но мертвóй дóлжно бýть»).

³⁴ В издании 1986 г. здесь имеется неверное прочтение («в ответе»), хотя в издании 1933 г. строка воспроизведена верно (см. РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11). В настоящей статье я опираюсь на почти идентичный текст в этих двух изданиях, не имея возможности обсуждать правку, имеющуюся в рукописи.

22	Что, мой мне любезный, верность храня,	10м	1'2'1'2'	Дк4
23	Скоро и скоро ко мне прилетит;	10м	'2'2'2'	Д4
24	Он душу в меня с собой возвратит. [Державин 1986: 144–145]	10м	1'2'1'2'	Дк4

Обоим стихотворениям свойственна минорная тональность, оба оплакивают расставание любящих. В первом случае причиной ему смерть, во втором — отъезд любимого, в обоих ощутимо фольклорное влияние.

Изложенное выше побуждает обратиться к народной поэзии как для поиска метрических прототипов, так и для понимания других особенностей этих произведений Державина.

«На смерть Екатерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся» и фольклорные причитания

О связи державинского стихотворения «На смерть Екатерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся» с народной поэзией упоминалось неоднократно, но, как ни парадоксально, без указаний на то, в чем именно это влияние проявилось и чем вызвано. Тематика стихотворения наводит в первую очередь на мысль о релевантности для него традиции причитаний, и, как я постараюсь показать далее, именно они в значительной мере определили и образный, и метрический строй этого произведения Державина³⁵. Но прежде чем перейти к основному изложению, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний.

Как справедливо писал А. О. Дёмин, с миром народной поэзии Державин многократно и тесно соприкасался — и в детстве в родительских имениях, и в годы военной службы (в лейб-гвардии Преображенском полку, при подавлении Пугачевского восстания), и во время многократных поездок по России (как частных, так и служебных), а также общаясь со своими крепостными в Званке и в оренбургских имениях. Исследователь обратил внимание на «Поденную записку, учиненную во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным» (1785) (почти полностью опубликована в [Эпштейн 1987: 89–133]), которая велась сопровождавшими поэта А. М. Грибовским и Н. Ф. Эминым и в которой отразились впечатления от путешествия, продлившегося почти два месяца. Как указывает Дёмин, в записку «были включены некоторые сведения о свадебном и похоронном обрядах карел и пересказы народных преданий, связанных с личностью и временем Петра I, но здесь не упоминаются былинная, песенная и сказочная традиции Русского Севера» [Дёмин 2017: 48]. Весьма существенно и то, что Державин жил в эпоху всё возрастающего интереса к народной поэзии разных стран и явно этот интерес разделял.

Как многократно отмечалось, изучение фольклорного стиха затруднено тем обстоятельством, что он бытует в устной форме, к тому же большинство жанров народной поэзии предполагает напевное исполнение³⁶. Многочисленные фольклорные записи XIX — начала XX в. были сугубо текстовыми, в силу чего они вливались в общий массив художественной литературы, отрываясь от напевов; их ритмика осмыслялась по преимуществу в контексте письменного бытования литературных произведений и именно в этом

³⁵ На несомненный интерес Державина к причитаниям указывает тот факт, что в его архиве сохранились их записи, сделанные спустя десять, а то и более лет после смерти жены. Ю. М. Лотман, подчеркнувший их значение как наиболее ранней фиксации текста плачей и их опубликовавший, полагал, что они были сделаны по просьбе поэта и присланы ему Евгением Болховитиновым [Лотман 1960: 146, 149].

³⁶ Об истории изучения фольклорного стиха под различными углами зрения см. подробнее в недавнем обзоре [Петров 2024].

виде влияла на стихи русских поэтов, вызывала подражания и стилизации. Поэтому в высшей степени оправдан подход М. Л. Гаспарова, продемонстрированный в его статье «Русский народный стих и его литературные имитации» [Гаспаров 1997]³⁷; в ней рассматривается именно ритмика записей фольклорной поэзии — без соотнесения с традицией напевного исполнения сказителями. Именно этот подход был избран и для настоящей статьи.

Обращаясь к народным плачам в связи со стихотворением Державина «На смерть Екатерины Яковлевны», следует принять во внимание то, что первые систематические записи произведений, относящихся к этому фольклорному жанру, делаются во второй половине XIX столетия на севере России. Некоторое их число помещено в третьей части «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» (1864), предшествовавших фундаментальным «Причитаниям Северного края, собранным Е. В. Барсовым» (1872–1885; Ч. 1–3)³⁸. Подзаголовки каждой из трех частей барсовского труда дают хорошее представление о жанровом многообразии причитаний и поводов к их возникновению: Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные; Ч. 2: Плачи завоенные, рекрутские и солдатские; Ч. 3: Плачи, свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвенечные. Нельзя также не учитывать, что часть из них была важной составляющей погребального и свадебного обрядов. Еще одна существенная особенность причитаний — их лироэпическая природа, в силу чего их поэтика оказывается тесно связана как с песенными, так и с повествовательными жанрами фольклора. Причитая, вопленицы каждый раз импровизируют, опираясь на традиционные обороты, мотивы и образы.

Плачевая культура разных регионов России документирована в разной степени, что объясняется сравнительно поздним интересом к ней и тем, что на Русском Севере она лучше сохранялась. При сопоставлениях я буду главным образом обращаться к похоронным плачам, записанным в северных областях, — это оправдано и обстоятельностью биографии Державина, и тем, что эти тексты подверглись более ранней и полной фиксации. Конечно же, материал, используемый для сопоставлений, может быть расширен, но и в данном виде он вполне репрезентативен.

И лексика стихотворения «На смерть Екатерины Яковлевны», и его образный строй тесно связаны с причитаниями, в чем нетрудно убедиться. Противопоставление души скончавшейся жены поэта свободно парящей в мире живых ласточке, центральное в стихотворении, находим и в плачах³⁹. Словосочетание «тело мертвое», подчеркивающее и у Державина, и в плачах оставленность тела душой, нередко встречается в причитаниях⁴⁰; то же можно сказать и о выражении «крепкий сон» в качестве метафоры смерти,

³⁷ Весьма показательным, что при итоговой republicации этой статьи ученый посчитал нужным сделать следующее примечание: «Напоминаем: мы разбирали не ритмику фольклорного стиха как такового, а только ритмику его записей XIX в. — тех, которые могли повлиять на литературные имитации народного стиха, а они-то и интересовали нас в первую очередь» [Гаспаров 1997: 131].

³⁸ Значительное число причетей было записано Барсовым у Ирины Андреевны Федосовой (1827–1899), знаменитой вопленицы, сказительницы и исполнительницы народных песен. М. Горький дал ее яркий портрет в очерке «Вопленица» и романе «Жизнь Клима Самгина».

³⁹ «Вот пройдет зима холодная / И настанет весна красная, / Разольются быстры реченьки, / Налетят да птички-ласточки, / Серы — малые загозочки» [Русские плачи 1937: 32]; «Посмотрю на все четыре стороны, / Не летит ли наша матушка, / Не замешалась ли между ласточкам / Перелетным сизым голубем, / Не сядет ли на окошечко» [Там же: 201]. Также нередко и ласковое обращение к умершей, как к ласточке: [Русские плачи 1937: 147; 1940: 88–92, 181; Причитания 1960: 123, 125, 129, 305].

⁴⁰ Ср.: «Я несую ведь тело мертвое, / Да то личушко ведь блёклое / Своего кормильца-батюшка! (...) Вы отпели тело мёртвое, / Это личушко то блёклое!» [Причитания 1997: 57; также: 206, 228; 303, 310; Русские плачи 1937: 55–56, 155, 162–163, 166–167; 1940: 62, 72–73, 83, 99, 102, 111, 113–114, 145 и сл.; Причитания 1960: 261–262, 270, 273, 339 и сл.].

и о призывах пробудиться от него⁴¹. И в былинах, и в духовных стихах, и в протяжных песнях заключение скончавшихся в могилу часто описывается как сокрытие «гробовой доской» — у Державина это финальный яркий образ, подчеркивающий необратимость утраты⁴².

Наиболее частотные размеры причитаний, судя по их записям, просмотренным мною, — 3-иктный былинный тонический стих с дактилическими клаузулами (обычно 12–13 слогов)⁴³ и четырехстопный хорей с дактилическими клаузулами, весьма популярный в народном песенном творчестве (9 слогов), — но двумя этими размерами ритмическое богатство причитаний отнюдь не исчерпывается. При этом следует отметить, что стихи четырехстопного хороя в плачах имеют в подавляющем большинстве случаев двухсложную анакруссу и ударения на слогах 3, 5 и 7.

Импровизационный траурный характер исполнения плачей, допускающий и прерывания, и возгласы, а также и необходимость избегать монотонности нередко побуждают воплениц к переходу от двухсложной анакруссы к односложной в двухсложных размерах, как, например, в этом случае (здесь и далее ударения проставлены мною):

Без морóзу сёрдце вьзьябло,	9д	2'1'1'2	X4
Без дождя личкó повьёмкло;	9д	2'1'1'2	X4
Не дай свёт да Богорóдица	9д	2'3'2	X4
Жить цёркви без священника,	8д	1'3'2	Я3
Часóвни жить без старóсты,	8д	1'1'1'2	Я3
Дерёвни без десятника,	8д	1'3'2	Я3
Стóять дóму без хозя́ина,	9д	'1'3'2	X4
Угóды без крестья́нина.	8д	1'3'2	Я3

[Причитанья 1872: 55]

Возможны и более радикальные переходы, случаи полиметрии, как в данном плаче, когда былинный стих сменен четырехстопным хореем с двухсложной анакруссой (о сосуществовании, обычно отдельными блоками, более кратких и длинных стихов в причитаниях см. подробнее [Толстая 2020: 7–9]):

Припадú да я ко мáтушке сырóй земле,	13д	2'3'3'2	Тк3
Я ко ётой побéдна к муравóй траве,	12д	2'2'3'2	Тк3
Воскликáть стану горю́ша умильнёшенько:	13д	2'3'3'2	Тк3
Ой, развёйся, бúря-пáдара!	9д	2'1'1'2	X4
Разнеси ты пёски жёлтыи!	9д	2'1'1'2	X4
Разступись ко мáть-сырá земля!	9д	2'1'1'2	X4
Расколись-ко гробовá доска!	9д	2'3'2	X4
Размахнитесь бёлы сáваны!	9д	2'1'1'2	X4
Отворитесь о́ци я́сныи!	9д	2'1'1'2	X4

[Причитанья 1872: 35]

Прямое отношение к теме данной статьи имеют случаи гетерометрии, такие как, например, в зачине плача по сыну, в котором ряд неполноударных хорейческих стихов,

⁴¹ «Стань, пробудись, мой родимой батюшко, / От сна от крепкого, / От крепкого сна, от мёртвого!» [Причитанья 1997: 64; также: 148, 175, 181, 216, 241; Русские плачи 1937: 96, 99, 112, 175, 181, 183, 202; 1940: 77, 137, 165; Причитания 1960: 227, 239, 283, 296, 334].

⁴² «Далеко ваше желанье удаляется, / Гробовой доской родитель укрывается! [Причитанья 1997: 133; ср. 100, 134]. Также [Русские плачи 1937: 26, 163, 199, 220, 231–232; Причитания 1960: 256, 264, 311, 313, 356]. Частотны в причитаниях и призывы к «гробовой доске» расколоться, раскрыться, быть поднятой и пр. и вернуть умершего его близким.

⁴³ Опираясь далее понятием «былинного стиха», я опираюсь на его понимание Гаспаровым как 3-иктного тактовика, допускающего ряд вариаций. См. подробнее [Гаспаров 1997: 61 и сл.]. См. обзор различных подходов к изучению былинного стиха: [Петров 2023].

имеющих лишь два ударения (на слогах 3 и 7), приобретает в этом отрывке звучание, близкое к пентонному, чему способствует и наличие двух стихов из удвоенных пентонов III; находим в нем и амфибрахи:

Не несёт да резвы ноженьки	9д	2'1 2'2	X4= Пе II Пн III
Во перёное крылёчушко,	9д	2'2 1'2	X4=Пн III Пе II
Как во вйтое во гнёздышко!	9д	2'2 1'2	X4=Пн III Пе II
У мя в том углу пустёшенько,	9д	2'1'1'2	X4
А в другом да порознёшенько.	9д	2'1 2'2	Пе III Пн III
Как отпустила я жадобного	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Да своего сына любимого	10д	1'2'2'2	Аф3
На чужу-дальну сторонушку;	9д	2'2 1'2	Пн III Пе II
Не на охотное гулянице,	10д	3'2 1'2	(1)Пн III Пе II
Не на умное учёнице,	9д	2'2 1'2	X4=Пн III Пе II
Поотпустила на лечёнице.	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III

[Причитания 1960: 276]⁴⁴

Нередко в причитаниях чередование тонического стиха и пентонов, как, например, в данном случае, когда 3-иктный дольник чередуется с двухударными пеоническими и пентонными строками, а также их комбинациями с явно выраженною цезурой:

Напринимаюсь всякой всячины —	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
И холоду, и голоду,	8д	1'2 1'2	Пе II Пе II
И осудушки великия;	9д	2'2 1'2	Пн III Пе II
Голубушка мила сестрица!	9д	1'2'1'2	Дк3
Не окрикнешь меня не оговоришь,	11д	2'2'2'2	Ан3
Ты во сне нонь не покажешься	9д	2'1 2'2	Пе III Пн III
На яву мне не привидишься;	9д	2'1 2'2	Пе III Пн III
Потеряла я думу крепкую	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Словцо тайное — не проносное	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
И великую заступушку.	9д	2'2 1'2	Пн III Пе II

[Причитанья 1872: 163]

Случай еще более интенсивного взаимодействия тонического стиха с пентонами III находим в следующем пассаже голошения по умершем муже:

На ког ты, красной мой, обнадёялся	12д	2'1'4'2	Ак3
И на ког ты оположился?	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Что покинул меня, горе-горькую,	11д	2'2'1'2	Дк4
Без теплого свово ли гнёздушка,	10д	2'2'1'2	Дк3
Без призрения, без сожительства!..	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Не от ког-то, горе-горькоей,	10д	2'2 1'2	Пн III X2
Мне слышати слово ласково,	9д	1'2 2'2	Пе II Пн III
Слово ласково да привётливо!..	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Нету-то у меня, горя-горькия,	11д	4'1'2	Ак3
Что ни роду-то да ни племени,	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Ни поильца мне, ни кормилца!..	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III

[Агренева-Славянская 1889: 61]

Как кажется, приведенные выше примеры достаточно наглядно демонстрируют и наличие гетерометрии в причитаниях, и то, что пентон III входит в арсенал размеров, участвующих в ее создании, и то, что они могут сочетаться в плачах с тоническим стихом, как это имеет место в державинском стихотворении «На смерть Екатерины Яковлевны».

⁴⁴ Плач был исполнен А. М. Пашковой в 1929 г. В данном и в последующих примерах цезуры отмечаются лишь в стихах, содержащих пеоны и пентоны.

Пентон III привлекал внимание исследователей главным образом как песенный размер, уже в XVIII столетии вошедший в литературу⁴⁵. Определенным теоретическим его осмыслением стал пассаж в «Кратком рассуждении о русском стихосложении» Д. П. Самсонова, назвавшего его «сугубым амфибрахийем» [Самсонов 1817: 251]. Широкое распространение этого размера в русской поэзии XIX в. (В. Г. Бенедиктов, Е. П. Гребёнка, А. В. Кольцов, Н. А. Некрасов, И. С. Никитин, А. Н. Плещеев, А. К. Толстой, Н. Г. Цыганов и др.) и регулярная ударность в нем привели к тому, что он, по справедливому замечанию М. Л. Гаспарова, существовал как бы шестым при пяти классических силлаботонических метрах [Гаспаров 2012: 375]⁴⁶. Учет применения этого размера в сочетании с тоническим стихом в стихотворении «На смерть Катерины Яковлевны» вносит важное и яркое дополнение в историю его бытования в русской поэзии.

Стихотворение Державина — произведение литературное, хотя и вдохновенное народной поэзией, поэтому весьма существенно, в чем поэт развивает здесь фольклорную традицию и в чем порывает с ней, тем более что Державин известен величавым своенравием словоупотребления и склонностью к рискованному смешению стилей и жанров. Во-первых, следует подчеркнуть, что поэт меняет гендерную оптику, — русские причитания обычно создаются женщинами, оплакивающими своих близких. А в своем стихотворении на смерть жены поэт выражает горе мужчины и мужа, поэтому использование им ряда образов и формул традиционных женских причитаний подчеркивает всеобщность и экзистенциальную невосполнимость подобных утрат. Во-вторых, создавая стихотворение, состоящее из четверостиший с перекрестными рифмами, и вводя альтернанс клаузул, Державин еще больше отходит от форм народной поэзии, астрофичной и преимущественно нерифмованной, в которой гомеотелевты возникают спорадически. В-третьих, в причитаниях доминируют дактилические клаузулы, тогда как в стихотворении «На смерть Катерины Яковлевны» рифмующиеся пары четных стихов либо женские, либо мужские. В-четвертых, мрачная картина завывания ветра, псов, роющих землю при свете луны, скорее свойственна оссианическому ландшафту (что уже отмечалось)⁴⁷, а не причитаниям, хотя одновременно следует признать, что параллелизм переживаний в душе человека и природных явлений — излюбленный фольклорный прием. И наконец, обыкновение Державина смешивать различные пласты лексики ощутимо и в данном тексте: слово «зельный» — церковнославянское, вошедшее в книжный язык, но народной поэзии чуждое (оно встречается и в лирике, и в драматических сочинениях Державина⁴⁸), т. е. говоря о «зельной тоске», поэт допускал в свои стихи стилистический диссонанс.

⁴⁵ Закрепившееся за ним название «кольцовский пятисложник», как подчеркивал еще М. П. Штокмар, неточно, ибо еще в 1796 г. его применил в поэме «Добрыня» Н. А. Львов [Штокмар 1952: 23]. Этот размер находим у Львова также в песне «Как, бывало, ты в темной осени...» (1790-е) и в послании И. М. Муравьеву (1797). Обзор важнейших мнений о генезисе данного размера в фольклорных произведениях см. в [Бейли 2001: 205–208].

⁴⁶ Гаспаров также упоминает интересные случаи разрыва с народной тематикой при использовании этого размера — в тютчевских переложениях из Гейне, в переводах стихотворений, написанных сапфическим стихом (А. Ф. Мерзляков) и хорическими дохмиями (Ф. Ф. Зелинский) [Гаспаров 2012: 376].

⁴⁷ Интересную параллель к строкам «Роют псы землю, вокруг завывают, / Воет и ветер, воет и дом» находим в следующих стихах «Водопада»: «Он спит — и в сих мечтах веселых / Внимает завыванье псов, / Рев ветров, скрип дерев дебелых, / Стенанье филинов и сов...» [Державин, I: 470]. На оссианизм этих образов указал еще Грот [Державин, I: 470–471]; он же привел несколько параллельных мест из книги «Поэмы древних бардов» Джеймса Макферсона в переводе А. И. Дмитриева [Макферсон 1788].

⁴⁸ При этом данное прилагательное выступает в самых различных сочетаниях: «зельные волны», «пожар зельный», «скорби зельны», «вихрь зельный», «зельна буря», «зельный бунт», «бой зельной», «печаль зельная», «пламень зельной» [Державин, I: 74, 646; II: 279, 538, 596; III: 315; IV: 185, 481, 606]. Ср.: [Словарь 1995: 165].

Завершая рассмотрение фольклорных истоков стихотворения «На смерть Катерины Яковлевны», хотелось бы выйти за границы лирики Державина и обратиться к его «Добрыне, театральному представлению с музыкою в пяти действиях» (1804). На глубинную связь этой пьесы с одноименной незавершенной поэмой Н. А. Львова (1796; опубли. в 1804), призванной продемонстрировать достоинства «русского склада», указал еще Грот (см. подробнее [Дёмин 2002]). В отличие от других драматических произведений Державина она содержит несколько хоров, написанных тоническим стихом. Героическая тематика предсказуемо побуждает поэта обратиться к имитации былинного стиха в «Хоре богатырей»⁴⁹ (действ. III, явл. 4). Процитирую первый из них, написанный 2-3-иктным тоническим стихом в сочетании с пентонами III (в четырех случаях имеет место некоторая их деформация):

Хор богатырей

Не сизы соколы по поднёбесью,	11д	3'2 2'2	(1)Пн III Пн III
Не белы кречеты под облаки,	10д	3'2 1'2	(1)Пн III Пе II
Богатыри слетались русские	10д	3'1'1'2	ТкЗ
К великому князю ко Владимиру,	11д	1'2'3'2	ТкЗ
Ко владыке всероссийскому,	9д	2'1 2'2	Пе III Пн III
Чтоб потешиться молодечеством,	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Позабавить бы удалством его.	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Что один из них всех проворнее,	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Всех проворнее, всех могучее:	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Где он ступит, — тут земля дрожит;	9д	2'1 2'2	Пе III Пн III
Где рукой махнет, — тут и улица.	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Что возговорит богатырский круг:	10д	2'2 2'2	Пн III Пн III
Ты-го, братец, нам, и надобен.	9д	1'3'2	ТкЗ

[Державин, IV: 86–87]

Очевиден гибридный характер данного хора. Первые четыре строки вполне былинны: пир Владимира, на который обычно собираются приближенные князя, — один из наиболее частотных топосов народного эпоса. Всё же и здесь ощутимы некоторые чужеродные элементы — в былинах соколы неизменно «ясные», а словосочетание «под облаки» для народной поэзии нетипично⁵⁰, поэтому правомерно видеть в первых двух стихах отзвук строки из «Слова о полку Игореве» «шизимь орломь подь облакы» (впервые на это было обращено внимание в статье [Прийма 1954: 236]). Наименование Владимира «владыкой всероссийским» заставляет в первую очередь вспомнить титулование русских государей начиная с XVIII в. Впрочем, в пьесе Державина Владимир именуется также и «щарем», что вполне соотносится с тем условным историческим континуумом, в котором протекает действие. Стихи 6–12 наполнены традиционными формулами, описывающими сверхприродную мощь богатырей, проявляющуюся и в битвах, и в молодечестве, и вполне могли быть откудато заимствованы. Заключительный стих, содержащий обращение к Добрыне, — несомненно державинский, возвращающий непосредственно к действию пьесы.

⁴⁹ В «Хоре древнем русском» (действ. III, явл. 9), как уже отмечалось, Державин почти дословно цитирует отрывок из былины, который, в свою очередь, приводит по памяти В. А. Левшин в книге «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях» [Левшин 1780: 139–140]. На это впервые указано в статье [Дёмин 2002: 54]. О значении для «Добрыни» Г. Р. Державина «Русских сказок» В. А. Левшина см. [Омелько 1995: 4–12].

⁵⁰ Слово «облако» обычно употребляется в былинах в составе застывшей формулы «пониже облака ходячего» при описании езды богатырей на их могучих конях. Более разнообразны контексты употребления полногласной формы «оболоко».

В мою задачу в данной статье не входит подробный анализ других хоров в «Добрыне» Державина, заслуживающих отдельного исследования. Укажу лишь, что заключительные шесть хоров, завершающих пьесу, — интересные образцы тонического стиха. Они столь же гибричны, как и проанализированный выше хор богатырей, — с той лишь разницей, что их основой становятся народные песни (обрядовые, величальные и пр.); «державинская рука» узнается по введению в часть из них перекрестной рифмовки, в отдельных славянизмах. В заключение упомяну также, что тоническим стихом написано несколько хоров в еще одной «народной» комической опере Державина «Дурочка умнее умных» (нач. 1810-х), на которых нет возможности здесь останавливаться. В любом случае тонический стих этих двух пьес — интересная параллель к тем его образцам, что имеются в лирических произведениях поэта.

* * *

Как уже говорилось выше, для большинства читателей и ценителей его лирики Державин — поэт исключительно силлабо-тонический, один из тех, кто глубоко воспринял итоги стиховой реформы 1735 — начала 1740-х гг. и убедительно и ярко претворил их в своем творчестве. Причин тому две — два стихотворения, запечатлевшие влияние на его поэзию народного тонического стиха («Року надобно, чтоб рассталася...») и «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся»), были опубликованы лишь в XX в., а пьесы «Добрыня» и «Дурочка умнее умных» всегда находились на периферии читательского внимания. Однако именно эти произведения, как я постарался показать, в высшей степени существенны для понимания как общей эволюции лирики Державина, так и восприятия им народной поэзии, и именно они убеждают в чуткости слуха поэта к многообразию и богатству ее ритмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Агренева-Славянская 1889 — Агренева-Славянская О. Х. *Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными*. Ч. 3: Плачи и причитания по умершим и по рекрутам; стихи великопостные; быльины и легенды; старинные песни и величания; сказки, загадки, пословицы и прибаутки. Тверь: [Б. и.], 1889.
- Державин 1777 — [Державин Г. Р.] *Ода на всерадостное рождение его императорского высочества великого князя Александра Павловича: сочинена 1777 года в декабре месяце*. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1777].
- Державин 1786 — Державин Г. Р. *Торжество восшествия на престол императрицы Екатерины II, отправленное в Тамбов губернатором Державиным в его доме 1786 года 28 июня*. Тамбов: Вольная типография, 1786.
- Державин 1791 — [Державин Г. Р.] *Новый год. Песнь дому любящему науки и искусства («Сойди, сойди, любезная Эрата...»)*. *Московский журнал*, 1791, 1: 137–146.
- Державин I–IX — [Державин Г. Р.] *Сочинения Державина*. С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. I–IX. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1864–1883.
- Державин 1933 — Державин Г. Р. *Стихотворения*. Гуковский Гр. (ред.). Л.: Изд-во писателей в Л., 1933.
- Державин 1957 — Державин Г. Р. *Стихотворения*. Благой Д. Д. (общ. ред.). Л.: Советский писатель, 1957.
- Державин 1958 — Державин Г. Р. *Стихотворения*. Кучеров А. Я. (сост.). М.: ГИХЛ, 1958.
- Державин 1986 — Державин Г. Р. *Анакреонтические песни*. Макогоненко Г. П. (отв. ред.). М.: Наука, 1986.
- Державин 1987 — Державин Г. Р. *Сочинения*. Степанов В. П., Макогоненко Г. П. (сост.). Л.: Художественная литература, 1987.
- Державин 2002 — Державин Г. Р. *Сочинения*. Ионин Г. Н. (сост.). СПб.: Академический проект, 2002.
- Левшин 1780 — Левшин В. А. *Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях*. Ч. 1. М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1780.

- Макферсон 1788 — [Макферсон Д.] *Поэмы древних бардов*. Перевод А[лександра] Д[митриева]. СПб.: На ижд. П. Б[огдановича], 1788.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Причитания 1960 — Чистов Б. Е., Чистова К. В. (подг. текста). *Причитания*. Л.: Советский писатель, 1960.
- Причитанья 1872 — *Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым*. Ч. 1. М.: Современные известия, 1872.
- Причитанья 1997 — Астахова А. М. (отв. ред.). *Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым*. Т. 1. СПб.: Наука, 1997.
- Русские плачи 1937 — Виноградов Г. С. (ред.). *Русские плачи (причитания)*. М.; Л.: Советский писатель, 1937.
- Русские плачи 1940 — Азадовский М. К. (ред.). *Русские плачи Карелии*. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1940.
- Ходасевич 1996 — Ходасевич В. Ф. *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 2. Андреева И. П., Богатырева С. И., Бочаров С. Г., Хабаров И. П. (сост.); Кочетов В. П. (ред.). М.: Согласие, 1996.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бейли 2001 — Бейли Дж. *Избранные статьи по русскому народному стиху*. М.: Языки русской культуры, 2001. [Bailey J. *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu* [Selected articles on Russian folkloric verse]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2001.]
- Бобров 1915 — Бобров С. П. *Новое о стихосложении А. С. Пушкина*. М.: Мусaget, 1915. [Bobrov S. P. *Novoe o stikhoslozhenii A. S. Pushkina* [New data on the versification of A. S. Pushkin]. Moscow: Musaget, 1915.]
- Гаспаров 1974 — Гаспаров М. Л. *Современный русский стих: Метрика и ритмика*. М.: Наука, 1974. [Gasparov M. L. *Sovremennyi russkii stikh: Metrika i ritmika* [Modern Russian verse: Metrics and rhythm]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Гаспаров 1997 — Гаспаров М. Л. Русский народный стих и его литературные имитации. *Избранные труды*. Т. III: *О стихе*. М.: Языки славянской культуры, 1997, 54–131. [Gasparov M. L. Russian folkloric verse and its literary imitations. *Izbrannye trudy*. Vol. III: *O stikhe*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury, 1997, 54–131.]
- Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Л. *Русский стих начала XX в. в комментариях*. 2-е изд. М.: Фортуна Лимитед, 2001. [Gasparov M. L. *Russkii stikh nachala XX v. v kommentariakh* [Russian verse of the early 20th century in commentary]. 2nd edn. Moscow: Fortuna Limited, 2001.]
- Гаспаров 2012 — Гаспаров М. Л. *Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти*. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. [Gasparov M. L. *Metr i smysl: Ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamiatii* [Meter and meaning: On one of the mechanisms of cultural memory]. Moscow: Fortuna EL, 2012.]
- Гуковский 1933 — Гуковский Г. А. Литературное наследство Г. Р. Державина. *Литературное наследство. XVIII век*. Т. 9–10. М.: Журнально-газетное объединение, 1933, 369–396. [Gukovskii G. A. Literaturnoe nasledstvo G. R. Derzhavina. *Literaturnoe nasledstvo. XVIII vek*. Vol. 9–10. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1933, 369–396.]
- Даль 1863 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Ч. 3: *П*. М.: Изд. общества любителей Российской словесности, 1863. [Dal V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Pt. 3: *P*. Moscow: Press of the Society of Lovers of Russian Literature, 1863.]
- Дёмин 2002 — Дёмин А. О. «Театральное представление с музыкой “Добрыня”» Г. Р. Державина и одноименная «героическая» песнь Н. А. Львова. *Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства*. Кочеткова Н. Д. (отв. ред.). СПб.: Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2002, 52–57. [Demin A. O. “Teatral'noe predstavlenie s muzykoju ‘Dobrynya’” by G. R. Derzhavin and the “heroic” song of the same name by N. A. L'vov. *N. A. L'vov i ego sovremenniki: literatory, liudi iskusstva*. Kochetkova N. G. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2002, 52–57.]
- Дёмин 2017 — Дёмин А. О. Державин Гавриил (Гаврила) Романович. *Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.* Т. 2: *Д–Кошурников*. Иванова Т. Г. (ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2017, 47–52. [Demin A. O. Derzhavin Gavriliil (Gavrila) Romanovich. *Russkie*

- fol'kloristy: Biobibliograficheskiĭ slovar'. XVIII–XIX vv. Vol. 2: D–Koshurnikov.* Ivanova T. G. (ed.). St. Petersburg: Dmitriĭ Bulanin, 2017, 47–52.]
- Дзюбанов 2011 — Дзюбанов С. Д. Родственное окружение Е. Я. Бастидон (первой супруги Г. Р. Державина). *Г. Р. Державин и его время*. Вып. 7. Морозова Н. П. (отв. ред.). СПб.: ВИРД, 2011, 49–100. [Dzyubanov S. D. Family circle of E. Ya. Bastidon (first wife of G. R. Derzhavin). *G. R. Derzhavin i ego vremia*. Iss. 7. Morozova N. P. (ed.). St. Petersburg: VIRD, 2011, 49–100.]
- Западов 1976 — Западов В. А. Неизвестная ода Г. Р. Державина. *XVIII век*. Сб. 11: *Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени*. Макогоненко Г. П. (ред.). Л.: Наука, 1976, 159–165. [Zapadov V. A. An unknown ode by G. R. Derzhavin. *XVIII vek*. Coll. 11: *N. I. Novikov i obshchestvenno-literaturnoe dvizhenie ego vremeni*. Makogonenko G. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1976, 159–165.]
- Западов 1996 — Западов В. А. Барковиана и Державин!? *XVIII век*. Сб. 20. Кочеткова Н. Д. (ред.). СПб.: Наука, 1996, 87–94. [Zapadov V. A. Barkoviana and Derzhavin!? *XVIII vek*. Coll. 20. Kochetkova N. D. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1996, 87–94.]
- Илюшин 2004 — Илюшин А. А. *Русское стихосложение: Учеб. пособие для филол. спец. вузов*. М.: Высшая школа, 2004. [Iliushin A. A. *Russkoe stikhoslozhenie* [Russian versification]. *A study-book*. Moscow: Vysshaya shkola, 2004.]
- Кононко 1972 — Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР. *Русская литература*, 1972, 3: 74–85. [Kononko E. N. Manuscripts of G. R. Derzhavin in the Central Scientific Library of the Ukrainian SSR. *Russkaya literatura*, 1972, 3: 74–85.]
- Корчагин 2009 — Корчагин К. М. Гетерометрия и полиметрия Велимира Хлебникова. *Язык как медиатор между знанием и искусством*. Фатеева Н. А. (ред.). М.: Азбуковник, 2009, 147–160. [Korchagin K. M. Heterometry and polymetry by Velimir Khlebnikov. *Yazyk kak mediator mezhdu znaniet i iskusstvom*. Fateeva N. A. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2009, 147–160.]
- Лаппо-Данилевский 2023 — Лаппо-Данилевский К. Ю. Логаэды Г. Р. Державина. *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 96–116. [Lappo-Danilevskii K. Yu. Gavriil Derzhavin's logoaedic verse. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 96–116.] doi:10.31857/0373-658X.2023.4.96-116.
- Лотман 1960 — Лотман Ю. М. Записи народных причитаний начала XIX века из архива Г. Р. Державина. *Русская литература*, 1960, 3: 145–150. [Lotman Yu. M. Recordings of folkloric lamentations of the early 19th century from the archive of G. R. Derzhavin. *Russkaya literatura*, 1960, 3: 145–150.]
- Морозова 2009 — Морозова Н. П. Из истории державинского быта. *Г. Р. Державин и его время*. Вып. 5. Тимофеев А. Г. (ред.). СПб.: ВИРД, 2009, 67–79. [Morozova N. P. From the history of Derzhavin's life. *G. R. Derzhavin i ego vremya*. Iss. 5. Timofeev A. G. (ed.). St. Petersburg: VIRD, 2009, 67–79.]
- Омелько 1995 — Омелько Л. В. «Добрыня» Г. Р. Державина. *Державинский сборник*. Кошелев В. А. (ред.). Великий Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 1995, 5–14. [Omel'ko L. V. G. R. Derzhavin's "Dobrynya". *Derzhavinskii sbornik*. Koshelev V. A. (ed.). Veliky Novgorod: Novgorod State Museum and National Park, 1995, 5–14.]
- Отчет 1895 — *Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 г.* СПб.: Синодальная типография, 1895. [Otchet Imperatorskoi publichnoi biblioteki za 1892 god [Report of the Imperial Public Library for 1892]. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1895.]
- Пастернак 2022 — Пастернак Е. А. *Версификация Г. Р. Державина: метрика, рифма, строфика*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2022. [Pasternak E. A. *Versifikatsiia G. R. Derzhavina: metrika, rifma, strofika* [Versification of G. R. Derzhavin: metrics, rhyme, strophic form]. Candidate diss. Moscow: Moscow State Univ., 2022.]
- Петров 2023 — Петров А. М. Существует ли трехиктный былинный тактовик? *Вопросы языкознания*, 2023, 4: 65–95. [Petrov A. M. Is there a three-ictic *taktovik* in the verse of Russian bylinas? *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 4: 65–95.] doi:10.31857/0373-658X.2023.4.65-95.
- Петров 2024 — Петров А. М. Русский народный стих и основные подходы к его изучению. *Слово.ру: Балтийский акцент*, 2024, 15(4): 184–203. [Petrov A. M. Russian folk verse and the main approaches to its study. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2024, 15(4): 184–203.]
- Плунгян 2014 — Плунгян В. А. Неклассический стих Лермонтова: некоторые детали. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 2014, 7(144): 40–51. [Plungian V. A. Lermontov's non-classical verse: Some details. *Proc. of Petrozavodsk State Univ.*, 2014, 7(144): 40–51.]
- Пономарева 2022 — Пономарева М. В. «Души половина»: стихотворения Г. Р. Державина к Екатерине Яковлевне. *Art Logos (Искусство слова)*, 2022, 4(21): 10–25. [Ponomareva M. V. "Half of

- the Soul”: Poems by G. R. Derzhavin to Ekaterina Yakovlevna. *Art Logos*, 2022, 4(21): 10–25.] doi:10.35231/25419803_2022_4_10.
- Прийма 1954 — Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в литературной жизни начала XIX в. (Материалы). *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 10. Андрианова-Перетц В. П. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954, 229–243. [Priima F. Ia. “The Tale of Igor’s Campaign” in the literary life of the early 19th century (Materials). *Trudy otдела drevnerusskoi literatury*. Vol. 10. Andrianova-Perets V. P. (ed.). Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1954, 229–243.]
- Самсонов 1817 — Самсонов Д. П. Краткое рассуждение о русском стихосложении. *Вестник Европы*, 1817, 15–16: 219–253. [Samsonov D. P. A brief essay on Russian versification. *Vestnik Evropy*, 1817, 15–16: 219–253.]
- Скурацова 1961 — Скурацова Н. И. Некоторые особенности в склонении местоимений заонежского говора. *Лингвистический сборник*. Вып. 1. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1961, 46–53. [Skuratova N. I. Some features in the declension of pronouns of the Zaonezh’e dialect. *Lingvicheskii sbornik*. Iss. 1. Petrozavodsk: State Press of the Karelian ASSR, 1961, 46–53.]
- Словарь 1995 — Сорокин Ю. С. (гл. ред.). *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 8: *Залезть–Ижоры*. СПб.: Наука, 1995. [Sorokin Yu. S. (ed.). *Slovar’ russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 8: *Zalez’–Izhory*. St. Petersburg: Nauka, 1995.]
- Совалин 1985 — Совалин В. С. Литературный кружок Н. А. Львова: ритмические свойства книжного и народного стиха и их отражение в поэзии Г. Р. Державина. *Проблемы развития лирической поэзии XVIII–XIX вв. и ее взаимодействие с прозой*. Аношкина В. Н. (ред.). М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1985, 35–50. [Sovalin V. S. Literary circle of N. A. L’vov: Rhythmic properties of literary and folk verse and their reflection in the poetry of G. R. Derzhavin. *Problemy razvitiya liricheskoi poezii XVIII–XIX vv.* Anoshkina V. N. (ed.). Moscow: Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institute, 1985, 35–50.]
- СРНГ — Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). *Словарь русских народных говоров*. Вып. 32: *Присуха–Протишь*. СПб.: Наука, 1998. [Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar’ russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Iss. 32: *Prisukha–Protish’*. St. Petersburg: Nauka, 1998.]
- Толстая 2020 — Толстая С. М. Метрика «Прочитаний Северного края». *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 2020, 79(6): 5–19. [Tolstaya S. M. Metrics of the “Lamentations of the Northern Region”. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2020, 79(6): 5–19.]
- Чехов 1892 — Чехов Ал. П. Памятник Пленеры. *Исторический вестник*, 1892, 48(6): 754–765. [Chekhov Al. P. Plenira’s Monument. *Istoricheskii vestnik*, 1892, 48(6): 754–765.]
- Штокмар 1952 — Штокмар М. П. *Исследования в области русского народного стихосложения*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. [Stockmar M. P. *Issledovaniia v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniia* [Investigations in the field of Russian folkloric versification]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1952.]
- Эпштейн 1987 — Эпштейн Е. М. *Г. Р. Державин в Карелии*. Петрозаводск: Карелия, 1987. [Erstein E. M. *G. R. Derzhavin v Karelii* [G. R. Derzhavin in Karelia]. Petrozavodsk: Karelia, 1987.]
- Scherr 2021 — Scherr V. P. A Modernist before his time: The formal innovations of Gavrila Derzhavin. *Slavonic and East European Review*, 2021, 99(3): 401–431.